

АУТИЗМ БЕЗ КИНО

Слово аутизм частенько довольно претенциозно используется в нашей повседневной жизни. Мы наделяем это незнакомое нам понятие то пугающим, то мистическим смыслом. Мы говорим о гениальности и о безумье людей-аутистов, придумывая новые и новые мифы, которые помогли бы нам, обычным обывателям, справиться с той тревогой, которая порой возникает у нас при столкновении с чем-то непонятным, непохожим на наши привычные нормы. Однако дезинформация иногда является более пугающей, чем действительность. Понимание обществом явления аутизма – это первый шаг на тропе надежды и прогресса для сотен людей, столкнувшихся с проблемой аутизма не понаслышке.

Что означает слово аутизм?

Этот термин вошел в медицинскую практику в 1943, когда доктор Лео Каннер выбрал слово с греческим корнем «авто», чтобы описать такое состояние человека, которое, как казалось, препятствовало ему взаимодействовать с другими, заставляло человека казаться ушедшим в себя, живущим в своем отдельном мире.

С 1943 года слово аутизм имело разные трактовки. Много лет люди думали, что оно означает эмоциональный беспорядок, желание ребенка уклониться от общения с родителями и целым миром. Двадцать лет назад многие медицинские словари определили аутизм как «болезненный эгоцентризм, не признающий внешних стимулов».

К сожалению, этот примитивный подход был широко распространен в течение полувека. Фантазия, что люди с аутизмом имеют специальные тайны или стремятся убежать от мира, все еще встречается в популярной литературе и на киноэкранах. Используя слово «аутизм» в таком символическом и обычно ложном значении, мы как будто забываем о реальных людях, которые живут среди нас, борясь с проблемами, о которых мы порой даже не догадываемся.

Для современной медицины и психологии аутизм – это термин, который описывает большой спектр психоневрологических проблем, связанных с восприятием, вниманием и мышлением. Суть этих проблем многие исследователи, врачи и психологи, видят в том, что сигналы от глаз, ушей и других чувствительных органов человека, которые должны поступать в мозг, оказываются блокированными, задержанными или искаженными. Это обычно ослабляет способность человека взаимодействовать с другими людьми: разговаривать, что-то делать вместе, сопереживать. Иногда это ведет и к снижению способности к воображению, фантазии, спонтанности.

Что «странного» в людях с аутизмом?

Наши первые впечатления от человека с аутизмом могут быть очень путанными: человек выглядит столь же обычно, как Вы или я, но его поведение кажется совершенно непонятным. Действительно, мы не видим никаких внешних физических признаков проблемы – нет слуховых аппаратов, нет инвалидной коляски, нет белой трости – ничего, чтобы могло показать нам, что у человека есть трудности общения с окружающим миром.

Люди с аутизмом не выглядят отлично от других, пока мы не посмотрим на их выражение лица, язык тела и жесты. Тогда мы начинаем замечать различия. Замечаем их необычные реакции на обычные ситуации, или то, что они не показывают вообще никакой реакции там, где другие люди реагируют общепринятым способом. Например, люди с аутизмом могут смеяться в "неправильное" время в кино. Они могут закричать или испугаться тогда, когда мы этого совершенно не ожидаем, например - запаниковать при поездке в автобусе или во время службы в церкви.

Такие действия кажутся «неправильными», «вредными» и т.п. тем, кто не знает, какие сложности испытывает человек с аутизмом в мире, который для большинства из нас кажется простым и предсказуемым.

Затрудняясь в понимании общепринятых социальных норм, люди с аутизмом не чувствуют потребности в жестах типа дружественного «ПРИВЕТ!» или «ПОКА!», они не выражают голосом чувств, не используют нежные прикосновения, чтобы выразить любовь и привязанность. Их психоневрологические особенности мешают им освоить «универсальный язык» чувств. Но это не означает, что они не любят. Они только не могут выразить свои чувства таким образом, который мы все признаем.

Как понять, что у человека аутизм?

Признаки поведения, которое может указывать на аутизм, могут демонстрировать даже младенцы: например, ребенок почему-то смотрит в пространство вместо того, чтобы установить с мамой контакт глазами. Он может игнорировать голоса, отказываться обниматься, плакать, сопротивляясь прикосновению других людей и даже мамы.

Наиболее часто, однако, аутизм оказывается необнаруженным, пока ребенку не исполнится два с половиной или три года. Обычно именно в этом возрасте взрослые замечают, как активно их дети начинают

играть друг с другом, болтать и вмешиваться во все дела. Ребенок с аутизмом этого не делает и поэтому становится заметно, что он отличается от сверстников.

В особых случаях трудности ребенка, связанные с аутизмом, могут оставаться непризнанными до подросткового возраста, когда родители начинают понимать, что их дочь или сын имеет проблемы, похожие на расстройства спектра аутизма. Бывает, что люди, которые должны иметь этот диагноз, по ошибке признаются умственно отсталыми или психически больными и т.п.

Мнения профессионалов о том, как диагностировать аутизм все еще меняются. Однако, большинство врачей, работающих в этой области, договорились о самых важных признаках, по которым можно определить, что трудности человека связаны именно с аутизмом:

1. **Задержка развития речи или ее «странное использование»:** большинство людей с аутизмом имеет трудности в использовании и понимании языка, они могут не понимать инструкций, не использовать слово «я». Сложностью является просто «построить» самостоятельную фразу, и они часто используют «заимствованные» фразы из рекламы, кино, чужой речи. Приблизительно 20 процентов таких людей не говорят, но могут изучать письменный язык или печатание. Другим удается освоить язык жестикულიрования или общения с помощью специальных картинок, чтобы показать свои потребности или желания.
2. **Социальные проблемы и трудность с отношениями:** иногда поведение маленьких детей с аутизмом может казаться антиобщественным, они «используют» других людей как «игрушки» в своей игре или вовсе избегают контакта с другими. Некоторые люди с аутизмом, кажется, не показывают никакой заинтересованности в других людях. Они могут стараться «избегать» привязанности и порой кажется, что они никого не любят. Однако необходимо помнить, что фактически они могут иметь те же самые эмоции, что другие люди. Люди с расстройствами аутистического спектра могут избегать привязанности или контакта глазами, потому что они не могут самостоятельно освоить принятые нормы социального поведения и отвечают по-иному на общие обычные проявления чувств типа поглаживания руки или маминой улыбки. Профессионалы (врачи, психологи, педагоги) могут помочь родителям понять, как сенсорные проблемы ребенка затрагивают социальное поведение и как можно научить ребенка быть более адаптированным к общим социальным нормам.
3. **Необычные реакции на звук, внешний вид, вкус, тактильный контакт или запах.** Большинство из нас имеет довольно типичные реакции на пять имеющихся у нас чувств, но люди с аутизмом часто показывают необычные реакции. Некоторые из них кажутся по-особенному чувствительными (сверхчувствительными или имеют заниженную чувствительность) к обычным явлениям. Человек, сверхчувствительный к звуку может воспринимать домашние шумы как крайне громкие, даже пугающие. Если у человека низкая чувствительность к звукам, то ему трудно заметить или различить обычные звуки и шумы: шум колес машины или стук капель воды из крана, и т.п. Человек с аутизмом может иметь необычные реакции, связанные с сигналами любого или даже всех органов чувств. Возможна ситуация, когда он имеет гиперчувствительность к одним явлениям и гипочувствительность – к другим. Нет никакой специфической комбинации сенсорных проблем совершенно типичной именно для аутизма. Однако, необычные ответы на внешние явления указывают на некую психоневрологическую проблему, возможно на аутизм.
4. **Неровные способности, неравномерность умений.** Стандарт измерения интеллекта (например, тест Векслера), принятый для исследования IQ большинства людей, оказывается ненадежным для людей с аутизмом. Это происходит потому, что эти тесты структурированы так, чтобы измерить интеллект человека, который имеет опыт типичного видения, «слышания» и представления о форме. Мы уже знаем, что дети с аутизмом просто не получают то множество сигналов от окружающей среды как другие дети. Они могут иметь экстраординарное восприятие в областях, которые не используются в тестах, и в то же время испытывать дефицит в других областях, которые могут понижать их тестовые результаты. Психологи, тестирующие детей с аутизмом, ожидают увидеть признаки неравномерного развития. Они знают, что эти дети имеют некоторые навыки, которые являются нормальными, или даже превосходящими по их возрасту, но в других навыках они покажут существенную задержку. Исследования ученых предполагают, что люди с аутизмом часто имеют более высокий интеллект, чем все мы думали раньше. Однако проблемы общения мешают им так взаимодействовать со своими родителями и преподавателями, чтобы продемонстрировать свой интеллект наилучшим образом.

Аутизм – проблема развития

Задержка развития речи, социальные проблемы, сложности восприятия, неравномерное развитие умений и навыков – все это может быть симптомами аутизма. Однако другие проблемы тоже могут привести к таким проблемам: например - травма головного мозга. В отличие от разного рода травм и болезней, аутизм специалисты классифицируют как *проблему развития*.

Мы называем аутизм особенностью развития, потому что его признаки обнаруживаются в процессе

развития, а не как определенные реакции на травму или болезнь.

Чтобы решить, что у человека аутизм, мы должны рассмотреть историю его развития прямо от рождения. Были ли у него проблемы со здоровьем или несчастные случаи, которые, возможно, причинили повреждение мозгу после рождения? В каком возрасте ребенок начал казаться необычным? Как он вел себя с родителями с самого рождения? Всегда ли была задержка развития речи? Тянулся ли к другим людям? Адекватно ли реагировал на обращения, звуки, улыбки? Получал ли удовольствие от прикосновений и контакта?

Чтобы диагностировать аутизм, врач или психолог должен много наблюдать за ребенком, расспрашивать родителей или попросить их заполнить анкетные опросы по вопросам, касающимся развития. Кроме того, понадобятся специальные тесты, позволяющие составить представление об интеллекте и уровне развития речи.

Родители обычно боятся тестирования развития их детей. Они не знают, чего ожидать и боятся, что «эксперты» будут вешать ребенку ярлык «отсталого» или «безнадежного». Однако, правильная оценка развития ребенка очень важна для того, чтобы, опираясь на внутренние резервы и возможности малыша, помогать развитию и социальной адаптации. И, хотя об аутизме, как и о других проблемах развития, например задержке умственного развития, можно сказать, что *это – на всю жизнь*, такие слова не подразумевают, что человек с аутизмом «необучаемый» или «не может развиваться».

Одинаковы ли люди, которые имеют аутизм?

Ну вот уж нет! Люди с аутизмом отличаются друг от друга и по интеллекту, и по навыкам социального общения, и по способам реагировать на явления окружающего мира. Различия между людьми с аутизмом являются настолько большими, что профессионалы часто спорят об использовании общего термина *аутизм*. Например, мы знаем, что некоторые люди с аутизмом могут водить автомобиль, учиться в институтах, писать книги, в то время как личные особенности других едва позволяют им справиться с социальными ограничениями. В самых чрезвычайных случаях, некоторые люди с аутизмом никогда не осваивают практику приемлемого социального поведения.

В прошлом некоторых людей считали «безнадежными», но в настоящее время во все мире уделяется большое внимание методикам обучения и адаптации людей с серьезными нарушениями развития. Образование и социальная терпимость – мощные факторы в определении возможностей каждого ребенка в будущем.

Елена Кравченко

Качели.

Здравствуйте, качели. Наконец-то закончилась долгая холодная зима, пролились весенние дожди, и погода больше не мешает нашей встрече. Ведь мы так за вами соскучились! Да и вы, наверное, хорошо помните своих верных поклонников. Мы – это Ира и Мама.

Конечно, Ира повзрослела и изменилась со времени нашей последней встречи, ей уже почти шесть лет, но она по-прежнему осталась девочкой с озорными хвостиками, с большими умными глазками и странным, часто непонятным и непредсказуемым диагнозом – аутизм.

Она так и не научилась получать удовольствие от мультиков или от общения с детьми на площадке, но зато каждая встреча с вами становится для нее маленьким праздником. Ира приходит к качелям за радостью. Я – мама, и когда я слышу счастливый смех моей Ирочки, все проблемы и усталость уходят далеко-далеко. И я прихожу к качелям за радостью.

А знаете, качели, Ирочка с первого раза запомнила к вам дорогу, и никакая хитрость не поможет мне провести ее мимо заветного поворота – остановится, как ослик, и маленьким буксиром потянет меня к нужной дорожке.

Она вообще хорошо запоминает маршруты и, наверное, свои внутренние ощущения, с ними связанные. Когда мы едем на игровое занятие к доброй тете-психологу, Ира от остановки маршрутки вприпрыжку несется к нужному крылечку. Мне даже кажется, что я могла бы смело закрыть глаза и открыть их, когда Ира начнет барабанивать в дверь, – уверена, мы не заблудимся. А вот если мы едем к нужным, но так надоевшим Ире докторам, моя девочка начинает капризничать, едва выйдя из метро, и, тем не менее, обреченно топает к зданию больницы.

Так же легко Ира запоминает, где в квартире лежат конфеты и ее любимые книжки, и какую дверь в подъезде надо обходить стороной, потому что однажды за этой дверью громко лаяла собака. И сегодня, несмотря на несколько месяцев перерыва, Ира уверенно повела меня в нужном направлении, стоило только мне произнести: «Мы идем кататься на качелях».

Наши качели стоят между двумя девятиэтажками, так что каштановая аллея рядом с ними никогда не пустует: громко болтая и усиленно жестикулируя, спешат по своим важным и, наверняка веселым делам студенты, часто вздыхая и ворча на правительство и современную молодежь, бабульки тянут с базара свои кошелки, озабоченно-счастливые, прогуливаются с колясками мамочки.

Глядя на них, я иногда вспоминаю, как почти шесть лет назад вернулась из роддома с маленьким сверточком, в котором сопело мое самое большое счастье – маленькая Ирочка. Правда, Ирочкой наша девочка стала только через месяц после рождения.

Все девять месяцев беременности, пока врачи боролись с угрозой ее прерывания и преждевременных родов, мы так ждали рождения сына, что даже не думали об имени для дочери. Вот и была наша доченька целый месяц котенком, зайчонком, лягушонком, червячком (очень уж она родилась маленькая и худенькая), птичкой (очень уж звонкий голосок был у нашего червячка), цветочком, василечком, в общем, всей той уменьшительно-ласкательной флорой и фауной, какая только может прийти на ум при виде маленького человечка.

Став, наконец-то, Ирчонком, в остальном наша девочка осталась тем же «удобным» ребенком, каким была с самого рождения: она могла очень долго спокойно лежать в своей коляске, разглядывая нарисованных внутри слонов и совершенно не требуя к себе внимания, пока я готовила кушать, стирала пеленки, дописывала диплом. Иногда мне даже казалось, что она недовольна, если я пытаюсь привлечь ее внимание, сердится, когда я беру ее на руки, даже с грудным кормлением мы долго не могли привыкнуть, чтобы было удобно и ей, и мне, а к четырем месяцам и вовсе перешли на искусственные смеси.

Только по вечерам, перед тем как уснуть, Ира охотно позволяла взять себя на руки, но вовсе не для того, чтобы ее покачали и спели тихую колыбельную. Девочка, такая тихая и спокойная в течение дня, засыпала только при одном условии: с ней на руках надо было очень быстро бегать по комнате и при этом очень громко петь песни. Когда через месяц после родов я пришла к подруге на день рождения в своей самой узкой юбке, она решила, что я усиленно занялась аэробикой, а я лишь скромно заметила, что занимаюсь, скорее, легкой атлетикой.

Правда, уже после трех месяцев ситуация с отбоем совершенно изменилась. Мы желали Ирочке спокойной ночи, нежно целовали и укладывали в кроватку, какое-то время она сама себе тихо «мурлыкала», забавляясь пустышкой, и засыпала. Ей не нужна была наша помощь, скорее наоборот, нельзя было вмешиваться в этот процесс.

«Мурлыкала» Ирочка не только во время засыпания. Когда она кушала или рассматривала своих слонов, или нежилась в водичке во время купания, она издавала звуки, поразительно похожие на довольное урчание кошки. Я, признаться, не смогла бы воспроизвести эти звуки, а Ирочка и сейчас «мурлычет», получая от чего-либо удовольствие, будь то рисование красками, конфеты или игра с водой.

Тогда, в первые месяцы Ирочкиной жизни, более странным, чем громкие колыбельные, мурлыканье и не свойственная маленьким детям тяга к уединению, было поразительное отсутствие ее реакции на находящихся рядом людей. Ирочка не тянулась на ручки, улыбалась она не маминому лицу, а каким-то своим мыслям, глядя куда-то сквозь меня.

Да и вообще Ирочка не смотрела на людей, не поворачивала головку на голос, при этом вполне реагируя на другие резкие звуки.

Как и все дети, Ира вовремя научилась сидеть, почти не ползая, рано начала ходить, а точнее бегать и прыгать. А то, что за первый год мы так и не стали играть в «ладушки» и в «ку-ку», расстраивало, но не казалось трагедией, а было, по словам участкового педиатра «индивидуальными особенностями развития».

Подбежав к качелям, Ира начинает стучать ладошками по металлическим стойкам, по деревянному сиденью. Качели не обижаются, потому что наверняка помнят эту ее привычку. Ира так «обстукивает» все новые предметы, попадающие в ее поле зрения, людей, с которыми она пытается «пообщаться».

Это постукивание появилось у Ирочки после года. Долгое время все ее игры сводились к одному: Ирочка брала игрушку, стучала по ней, откладывала игрушку в сторону, брала следующую. И долгое время этот ее стук был мне непонятен, тревожил, даже раздражал. Когда Ира сердилась, она с такой же силой была

ладошками себя по лицу. Вместе со стуком появились и другие странности и непонятности.

Маленькая Ирочка сидит на полу и складывает карандаши слева от себя - справа от себя – снова слева. Десять минут, полчаса, час...Я пытаюсь привлечь ее внимание к яркой и, на мой взгляд, очень интересной игрушке. Результат – Ирочка громко кричит и хлопает ладонями по щекам. Постепенно успокаиваясь, она ритмично раскачивается вперед-назад, машет руками, кричит тише и, в конце концов, возвращается к своей монотонной игре.

Ночь, тишина, громкий хохот. Мы просыпаемся и понимаем, что смеется наша девочка. Она стоит в своей кроватке, смотрит на что-то только ей видимое, машет ручками и заливается смехом, переходящим в долгую истерику, прекращающуюся так же внезапно, как и началась.

Мы гуляем в сквере около дома. Ирочка бодро и целеустремленно марширует со мной за руку. Она не обращает особого внимания на машины, деревья, прохожих, собачек и птичек, она смотрит куда-то вдаль (или, может, в себя?). Я в очередной раз рискую отпустить ее руку, хотя знаю, что за этим последует. Ира побежит, нет, понесется вперед, не замечая преград и опасностей в виде ступенек, собак без намордников, машин. Я отчаянно пытаюсь ее позвать, хотя прекрасно знаю, что она не остановится, даже не оглянется, и надо просто бежать за ней следом. Какое уж тут общение с детьми, мирно копошащимися в песочнице.

Я стою рядом с Ирочкой и зову ее ласково, требовательно, громко. Я могу бесконечно долго менять интонации и громкость, Ира не посмотрит в мою сторону, как не выполнит ни одной самой элементарной просьбы, например, «дай лялю» или «сядь на стульчик».

К двум годам Ирочка так и не начала разговаривать. Обычный для всех детей лепет по-прежнему заменялся у нас криками разной громкости и с разными интонациями. Правда, к полутора годам появилось первое, и единственное, слово. Нет, не «мама» и не «баба», а вполне четко и к месту произносимое «до свидания». Пару месяцев мы удивлялись и восхищались, но потом это слово исчезло и, как оказалось, навсегда.

Так, в конце концов, и возникла мысль проверить Ирочкин слух. И после ряда тестов на специальной аппаратуре доктор-сурдолог вынесла свой вердикт: у ребенка нейро-сенсорная тугоухость, этим объясняется и задержка развития, и неадекватное поведение. Нет, это не лечится. Оформляйте инвалидность, записывайтесь в очередь на слуховой аппарат. Все это звучало для меня приговором.

Я рыдаю в кабинете сурдолога. Из головы куда-то подевались все мысли, кроме одной: «Это не может быть правдой. Это не может быть с моим ребенком. Этого просто не может быть!» И еще почему-то нелепое: «А как же музыкальная школа?»

А сурдолог - женщина, наверное, очень терпеливая, - спокойно объясняет мне, что ни моя, ни тем более Ирочкина жизнь сегодня не закончилась, что слабослышащие дети прекрасно заканчивают школу, колледжи и даже институты, что моя дочка еще удачно выйдет замуж и, возможно, даже родит мне здоровых внуков, что оформить инвалидность вовсе не означает поставить крест на будущем своего ребенка. Просто сейчас я должна приложить как можно больше усилий для Ирочкиного развития, и начать надо со специализированного детского сада для слабослышащих детей.

К концу ее речи в поток моего отчаяния все-таки вклинилась новая спасительная мысль: «Надо что-то делать!» Мы ухватились за этот садик, как за спасительную соломинку.

С виду садик ничем особо не отличался от множества других: такие же слегка запущенные площадки, такое же стандартное здание. Но с группами из пяти-шести человек здесь работали не просто воспитатели, а специалисты-дефектологи, пообщавшись с которыми, я поверила, что очень скоро Ирочка начнет говорить на языке жестов, научится читать и даже танцевать, общаясь с детьми, приобретет многие бытовые навыки, которые так не давались ей дома (великая сила коллектива).

Вот только Ирочке садик не понравился. Да, она не могла сказать этого, но и без слов все было ясно. Каждое утро Ирочка обреченно топала со мной за руку к троллейбусу, с отрешенным видом выдерживала поездку, а, выйдя из троллейбуса на нужной остановке, так же отрешенно подгибала ножки. Вот так, без слов, слез и криков, Ирочка говорила: «Мама, я не хочу туда идти, но если тебе это надо, можешь меня нести». И я несла ее в садик, потому что была твердо уверена, что так надо.

Мы сидим в детсадовской раздевалке. Я раздеваю Ирочку, обуваю на ножки новые красные тапочки, поправляю хвостики и как можно спокойнее рассказываю, как весело ей будет с детками. Но, кажется, я и сама мало верю в то, что говорю. И подтверждение не заставляет себя долго ждать.

В дверь раздевалки просовывается любопытная мордашка, за ней еще одна, и вот уже все четверо Ирочкиных одноклассников окружают ее, чтобы поприветствовать. Они здороваются по-своему, хватая ее за руки и заглядывая в лицо, что-то пытаются сказать ей на своем языке жестов. И тут Ирочка «включается»: она начинает кричать так, что у меня нет ни капли сомнения, что этот крик слышат даже глухие от рождения

дети, она стучит себя ладошками по лицу, она пытается вырваться из детского круга, убежать.

Вряд ли Ирочка сейчас замечает мои попытки ее успокоить, да мне и самой уже впору пить валерьянку. Но тут Иру за руку спокойно и уверенно берет воспитательница, в очередной раз выдает мне дежурную фразу: «Все дети так себя ведут, пока не привыкнут», - и за моей орущей Ирочкой плотно закрывается дверь. Я могу уходить, но не спешу этого делать.

Понимая, что подглядывать нехорошо, я все-таки нахожу в окне незавешенную щелочку и ищу глазами среди детей свою девочку. Малыши собрались в кружок возле воспитательницы и, внимательно глядя на нее, старательно повторяют за ней незамысловатые упражнения утренней зарядки. Но Ирочки среди них нет, она тихо (слава Богу, перестала кричать) сидит в дальнем углу и ритмично раскачивается вперед-назад.

Я ухожу, с тяжелым сердцем и с верой в то, что со временем этот садик все-таки принесет пользу моему ребенку. Я знаю, что могла бы увидеть, если бы осталась: когда дети сядут кушать, Иру тоже усадят за стол, но она даже не притронется к ложке, хотя дома уже вполне справляется с обедом без моей помощи; пока дети будут заниматься, Ирочка будет с отрешенным видом раскачиваться и громко кричать в ответ на попытки воспитательницы привлечь ее внимание; а когда ее попытаются уложить спать со всеми детьми, она будет сопротивляться, как кошка, которую решили искупать.

Без малого год изо дня в день повторялась эта картинка. И с каждым днем мне было все труднее разделять оптимизм воспитателей, все еще уверенных в том, что Ирочка привыкнет. А еще не давали покоя сомнения, почему наша «глухая» девочка, не отзываясь, когда ее зовут, просыпается от малейшего шороха и молниеносно оглядывается, если за ее спиной разворачивают конфетку.

Эти же сомнения, по-видимому, появились и у нового педагога, пришедшего в наш садик. Понаблюдав за Ирочкой несколько дней, со словами «Это не наш ребенок» она вручила мне справочник с закладкой на главе «Ранний детский аутизм»

После этого были многочисленные психоневрологи и психологи, неоднократно подтвердившие, что это действительно наш диагноз. Мне объяснили, что посещение детского сада не только не приносит Ирочке пользу, но даже является причиной постоянного сильного стресса. Ире назначили уйму лекарств, название многих из них мне даже произнести с первого раза было трудно, а уж разобраться в их свойствах и действии на моего ребенка и подавно.

Мы на приеме у врача. Ирочка бродит по кабинету, стучит по шкафам, столу, подоконнику, хватается предметы со стола, яростно кричит, когда я их отбираю и возвращаю на место, периодически порывается выбежать за дверь. Внимательно выслушав доктора, я решаюсь задать вопрос, мучающий меня последнее время: «Скажите, доктор, если наш аутизм «ранний детский», значит, когда Ирочка подрастет, болезнь пройдет, и она ничем не будет отличаться от сверстников?»

В ответ я услышала то что, в общем-то, ожидала, но так не хотела услышать: «Аутизм не пройдет с годами. Мы можем смягчить проявления болезни, но ваш ребенок всегда будет особенным, не таким, как другие люди. От этого нельзя избавиться, но с этим можно научиться жить. А вот насколько сможет ваш ребенок адаптироваться в этой жизни, зависит, в основном, от вас»

Что ж, доктор, спасибо за честность, я постараюсь ей помочь. Знать бы, как.

Я снова в кабинете сурдолога, но теперь я не рыдаю, как полтора года назад, а спокойно сообщаю, что со слухом у Ирочки все в порядке, и проблема наша называется не нейро-сенсорная тугоухость, а ранний детский аутизм.

И сурдолог – женщина, наверное, более опытная и по-своему мудрая – из самых лучших побуждений очень эмоционально объясняет мне, что у меня с моим ребенком нет будущего, я вряд ли добьюсь многого в ее развитии, а наши незначительные успехи со временем будут сводиться на нет ее болезнью, что люди с таким диагнозом долго не живут, но для меня каждый год будет за три, что отцы часто бросают семьи с таким ребенком, а я вполне могу родить второго ребенка здорового.

В общем, она от всей души советует мне определить Ирочку в специальное отделение детской психиатрической больницы и жить дальше счастливой полноценной жизнью.

Мы едем в переполненном троллейбусе, потому что нам очень надо попасть на прием к нашему доктору. Ирочка громко кричит, возбужденно машет руками, пытается оттолкнуть от себя оказавшихся слишком близко чужих людей, даже у меня на руках усидеть ей трудно и неудобно. Я пытаюсь ее успокоить, хотя прекрасно понимаю всю тщетность этих попыток, и внутренне напрягшись, жду реакции пассажиров на наше поведение. Недолго жду.

Сидящая рядом тетка начинает «воспитывать» мою Иру стандартным набором: «Такая большая девочка и так плохо себя ведешь! Вот я тебя заберу!» Ира добавляет громкости в свой крик, а я заявляю

тетке, что мой ребенок ее не слышит и не понимает, и не надо нас трогать.

Сообразив, что «с ребеночком что-то не так», наша попутчица начинает причитать, давая мне понять, как ей меня жалко. Я чувствую, что на нас уже обратил внимание весь троллейбус, и когда где-то за спиной звучит: «Нарожают неполноценных и прутся с ними в общественный транспорт! Сдала бы куда следует, ни себе, ни людям проблем не было бы!» - я выскакиваю из троллейбуса, и остаток пути мы топаем пешком, дольше, тяжелее, но спокойнее.

Гораздо труднее объяснить каждому попутчику в транспорте, что моя доченька боится такого большого количества людей, что соприкосновение с чужим человеком для нее слишком болезненно, а крики и взмахи ручками – это ее способ сообщить о своей тревоге и как-то успокоиться.

Я не стала спорить с сурдологом, как не спорила потом со своими знакомыми и совершенно чужими попутчиками в транспорте, которые давали мне такой же совет. Трудно, да и не нужно объяснять им всем, что моя доченька, такая, какая она есть, - это мое счастье, а не «ой, горе-то какое», не зависимо от того, радуюсь ли я ее маленьким успехам или тихо плачу всю ночь над ее кроваткой. И я не хочу и не могу отказываться от этого счастья. Я просто верю в то, что человек, которого любят, не может быть горем, она обязательно будет счастлива и обязательно ответит на нашу любовь.

Ира по прошлогодней привычке поворачивается к качелям спиной, ожидая, что я подыму ее на руки и усажу поудобнее. Вместо этого я беру ее за ручку и начинаю объяснять, что она уже большая и может сама сесть на качели, надо только вот так повернуться, вот так поставить ногу на подножку. Мои объяснения Ира выслушивает, заглядывая мне в глаза, а потом, следуя инструкциям, усаживается на качели. А я в очередной раз ловлю себя на том, что меня безумно радует этот ее взгляд.

Первый раз Ира посмотрела мне в глаза, когда ей было уже три года. И я увидела, что в этих глазах скрыто нечто несоизмеримо большее, чем «задержка психо-речевого развития», установленная врачами. Там – целый мир со своими законами, со своим языком, со своими радостями и печалью, огромный мир моего маленького человечка. С тех пор я каждый день открываю для себя этот мир, стараюсь узнать и понять его в надежде на то, что в ответ Ирочка захочет узнать мой мир.

Конечно, самой мне было бы трудно с этим справиться, но кроме поддержки семьи, мы с Ирочкой получили огромную помощь психолога, взявшей с нами работать. Честно говоря, сначала занятия с психологом казались мне «галочкой» для успокоения моей души: Ирочка хаотично бродила по игровой комнате, тетя-психолог ненавязчиво следовала за ней, а я сидела в уголке и наблюдала за этим процессом, ожидая, когда же тетя совершит чудо и «включит» мою девочку.

Но чудес не бывает, бывает кропотливая, осторожная работа, я поняла это позже. А сначала рекомендация психолога стучать вместе с Ирочкой и пытаться понять, что значит ее стук, показалась мне полным абсурдом. Ведь этот стук – совершенно неправильное с моей точки зрения поведение и я хотела бы от него избавиться. Но я последовала ее совету.

День, два, неделю я стучала одновременно с Ирочкой, но ничего не происходило. А потом я стала стучать вместе с ней, с такой же силой и ритмом, прислушиваясь к своим ощущениям, стараясь понять, какой смысл может быть в этом стуке. И оказалось, что даже если стучать с закрытыми глазами, то по ощущениям в кончиках пальцев можно узнать знакомые предметы и познакомиться с новыми.

Возможно, Ирочке легче понять, что она видит, что ее окружает, именно простучав эти предметы. Сейчас, когда Ирочка стала проявлять интерес к книжкам, она старательно стучит по каждой картинке, приговаривая что-то с разной интонацией, как будто рассказывая, что она видит.

Оказываясь у меня на руках, Ирочка весьма сильно хлопала ладошками по моей груди, это меня обижало, и чем эмоциональнее я на это реагировала, тем сильнее она хлопала. Начав изучать язык ее стука, я смогла понять, что это вовсе не агрессия, а напротив, так Ирочка пытается выразить свои чувства ко мне, и раз она при этом не кричит сердито, а даже иногда улыбается, значит, это теплые, нежные чувства, просто по-другому она еще не умеет. И людей в транспорте она часто хлопает, чтобы познакомиться, понять для себя, что сидящее рядом пальто на самом деле не страшное.

Чем больше я стучала вместе с Ирочкой, тем ближе мы становились друг другу.

Первый настоящий успех. Я сижу на полу и увлеченно строю башню из кубиков. Перед этим мы с Ирочкой не менее увлеченно стучали по разным кастрюлям, я рассказывала ей, что звуки получаются разные, потому что одна кастрюля маленькая, а другая большая, а тазик вообще пластмассовый. А сейчас Ирочка с настоящим интересом наблюдает за моей игрой.

Я не зову ее к себе, просто продолжаю играть. Ирочка подходит ближе и, между прочим, ставит

кубик на башню. Я не успеваю обрадоваться, потому что в следующий момент мой человечек поднимает головку, и мы встречаемся взглядами. Ирочка не отводит глазки (какие же они красивые!), не кричит и не машет на меня ручками. Она улыбается, а я ликую, для меня произошло настоящее чудо, я чувствую, что теперь уж мы точно сможем найти общий язык.

Ирочка все чаще ходит за мной хвостиком по квартире, соглашается дольше посидеть у меня на ручках, наблюдает (с интересом!) за моими простыми манипуляциями ее игрушками, иногда включается в мои игры. И надо же, она стала спокойнее, меньше сердито кричит и машет руками, реже отключается от внешнего мира в своем раскачивании.

Обычный вечер. Папа приходит с работы. И вдруг оказывается, что вечер не такой уж обычный, потому что в коридор навстречу ему выбегает Ирочка, заглядывает ему в глаза и протягивает ручки. Вот они и подружились, вот Ирочка и впустила папу в свой мир. Теперь они будут вместе строить башни и поезда из кубиков, выстраивать в шеренги игрушки, подбирать крышки к кастрюлям. Ничего, что эти игры слишком просты и незатейливы (ведь нашей девочке уже четвертый год), самое главное, что она уже соглашается играть вместе.

Мы открываем дверь (теперь Ирочка все чаще бежит на звонок первая), на пороге бабушка. Не обращая внимания на меня, она в первую очередь здоровается с Ирочкой и в ответ получает долгий нежный взгляд. А уже в следующий момент Ирочка уверенно заглядывает в ее сумку, она очень быстро запомнила, что там для нее всегда лежат конфетки.

После уничтожения конфеток Ира с бабулей учатся танцевать. Да, это пока далеко не вальс и не танго, они просто держатся за руки и под музыку раскачиваются с ноги на ногу. Но так ли это просто для ребенка, для которого еще совсем недавно любой контакт с людьми был болезненно труден? Я подпеваю им и радуюсь.

Я раскачиваю качели намного сильнее, чем в прошлом году. Не бойтесь, дорогие качели, Ирочка действительно повзрослела, и сейчас я уверена, что она понимает мою просьбу «Держись крепко» и будет держаться. За то с каким восторгом она кричит, как радостно улыбается мне и, кажется, всему миру!

Значение ее криков мы изучали не менее долго и старательно, чем значение стуков. Снова я смотрела и слушала, как на занятиях психолог «переводит» каждый Ирочкин крик на наш язык. Мне казалось, что угадать адекватный перевод просто невозможно. Она кричит, и все. Правда, иногда Ира начинала кричать тише или вовсе замолкала, когда перевод психолога казался наиболее подходящим.

Борясь с желанием просто крикнуть: «Ира, перестань орать!» - я стала дома пытаться озвучивать каждый ее крик на своем языке. И так же, как со стуком, сначала ничего не получалось.

Намного легче найти правильный перевод удавалось бабушке. Я же ничего лучше, чем «у Иры болит головка» или «Ира сердится» придумать не могла. Все осложнялось еще тем, что за довольно долгое время, пока я не получала никакой Ирочкиной реакции на мою речь, а порой ее реакция на обращение к ней была и протестующе-агрессивной, я просто разучилась разговаривать со своим ребенком.

Да, теперь я не только пыталась выучить ее язык, по которому, к сожалению, не существует словарей и разговорников, я училась разговаривать со своей дочкой, училась тому, что у мам обычных детей, да и у нашей бабушки, получается само собой.

Прежде всего, надо было понять, что Ирочкин крик – это не плохое поведение, подлежащее безоговорочному пресечению, а очень значимый для нее способ самовыражения: не умея говорить ни словами, ни жестами, в крик, в его интонацию и громкость она вкладывала какое-то значение.

Вот и получалось, что, одергивая Ирочку фразой: «Не кричи!» - я собственноручно захлопывала дверь, приоткрывшуюся между ее и моим миром, при этом всей душой желая наладить с ней общение. Чем больше я прислушивалась к своему человечку, тем больше смысла обнаруживала в ее криках.

Когда мне удавалось понять, что именно хочет сказать Ирочка, она затихала и заглядывала мне в глаза. А со временем Ирочка так же внимательно стала слушать, что говорю ей я. Так, не научившись пока говорить, мы научились слушать и понимать друг друга.

На смену крику стали приходиться слоги. Кажущиеся со стороны полной тарабарщиной ее «маняма-маняма», «бадяба-бадяба», «би-би», «ния-ния» и т.п., на самом деле наверняка что-то значат, ведь произносятся они в разных ситуациях с разной интонацией. И когда Ирочка произносит «мама-мама», находясь рядом со мной, я думаю, что это именно меня она называет мамой, потому что «мама-мама» над тарелкой каши произносится совершенно по-другому.

Позже Ирочка нашла еще один способ сообщать нам о своих желаниях. Ира решительно берет меня

за руку и ведет на кухню. «Доченька, что ты хочешь?» - спрашиваю я, и Ирочка вполне понятно отвечает: кладет мою руку на чайник и смотрит на полочку с чашками. Через минутку довольная девочка пьет чаек, а я тихо радуюсь.

Так же решительно Ирочка ведет меня в коридор к двери. «Ты хочешь, чтобы поскорей пришел папа?» - предполагаю я. В ответ Ира отправляется в комнату и начинает извлекать из ящика комода свои вещи, в которых обычно она ходит на прогулку. Не остается никаких сомнений, что по Ирочкиным «часам» пришло время отправляться на качели.

Я думаю, что поиски смысла в том или ином поведении стали у нас с Ирочкой взаимными. Чем больше я стараюсь понять ее, тем большему учится моя девочка у меня. Мы научились вместе строить дом из конструктора «лего», самостоятельно и с интересом складывать различные пирамидки, мы увлеченно скатываем из пластилина шарики, «колбаски» и «блинчики».

У Ирочки появилась любимая кукла, которую она укладывает спать, раздевает и даже одевает с моей помощью.

Мы готовим обед. Ирочка находится рядом со мной, с живейшим интересом наблюдая за всем, что я делаю. Как же мне нравится любопытство в ее глазках! Но еще больше мне нравятся ее попытки мне помочь. Моя хозяйшечка опускает кусочки цветной капусты в кляр, а я потом кладу капусту на сковороду, не переставая хвалить Ирочку за помощь.

Когда наступит время накрывать на стол, маленькая помощница достанет из стола нужные тарелки, разложит на столе ложки, а после обеда будет бодренько передавать тарелки от меня, убирающей со стола, папе, стоящему около мойки.

Я делаю привычный утренний кофе. Заметив это и задумавшись на секунду, Ирочка открывает холодильник и подает мне пакет молока. Спасибо, доченька, мы действительно любим пить кофе с молоком.

Самое любимое занятие – рисование. Сначала, хаотично чиркая фломастерами по листу, Ира категорически отрицала любое мое участие в этом процессе. Я не навязывалась, просто тихо сидела рядом и рисовала на своем листке сто двадцатое солнышко, облачко, цветочек. Сначала она стала поглядывать на мой рисунок, позже начала закрашивать своим цветом мои цветочки и солнышки.

Сейчас Ирочка часто просит меня рисовать для нее: дает мне в руку карандаш и кладет эту руку на лист, а потом внимательно смотрит, что я рисую, и слушает песенки и стишки о нарисованном. Иногда она кладет мою руку на свою, чтобы я помогла ей рисовать. А чтобы ручкам было легче справляться с карандашами, мы рассказываем пальчикам специальные стишки и делаем им массаж (правда, исключительно под хорошее настроение).

С удовольствием и совершенно самостоятельно Ирочка раскрашивает рисунки в книжках-раскрасках, по-своему подбирая цвета: когда у Иры плохое настроение, в книжке появляются черные попугаи и коричневые поросята, у спокойной и радостной Ирочки получаются замечательные розовые обезьяны, голубые слоны и желтые ежики.

Мы раскачиваемся все выше и не перестаем бурно радоваться. И все вокруг радуется вместе я нами: качели, тихо наскрипывающие свою старую песню, огромный клен, до веток которого мы так и не достанем, сколько бы не раскачивались, рыжая кошка, нарочито равнодушно дремлющая под кленом. Качели, пожалуй, достаточно старый и верный наш друг, чтобы открыть им нашу большую радостную тайну: мы уже несколько месяцев обходимся без памперсов

Проблема мокрых, а иногда и грязных штанов почти пять лет казалась мне непреодолимой. Ирочка подрастала, становилась общительнее и толковее, чему-то училась, но попытки научить ее пользоваться горшком ни к чему не приводили. Я плакала над очередными мокрыми штанишками, не скрывая от Иры своих слез, я радовалась, когда у нас получалось успеть в туалет в надежде, что Ирочка разделит мою радость и все поймет. А еще я терпеливо старалась не ругать ее за это и тем более не наказывать (хотя, что греха таить, желание надеть мокрые штаны ей на голову периодически появлялось).

Ирочка так и не стала проситься на горшок, как все дети. Просто в один прекрасный день, когда я уже была на грани отчаяния (ведь ребенку пять лет!), моя девочка сама пошла в туалет, уселась на горшок и, сделав все свои важные дела, притопала ко мне со спущенными штанами. Я подтягивала ей штанишки и на все лады расхваливала мою взрослую умницу. И хотя сейчас это стало вполне закрепившейся привычкой, я каждый раз хвалю ее после удачного самостоятельного похода в туалет.

Воодушевившись такой огромной победой и запасшись терпением, мы поставили новую цель: научить Ирочку самостоятельно одеваться (с раздеванием у нее дела обстояли проще), и начали мы со

штанов. Каждый раз, одевая Ирочку, я немного не дотягивала штанишки и предлагала ей сделать это самой. Получилось. Значит, можно оставить резинку еще ниже.

Ирочка пыхтит, но, в конце концов, справляется. Конечно, на это ушел не один день. Самым трудным для меня было удержаться и не подтянуть штаны за нее, ведь я могу сделать это гораздо быстрее. И вот мы уже учимся просовывать ножки в штанишки, Ирочка пытается, начинает сердиться, когда сердится сильнее, я предлагаю свою помощь, но в следующий раз снова предлагаю справиться самой. Получилось! Вот они, ножки в красивых штанишках.

Обязательно похвалить мою умницу. Теперь, как бы мы ни спешили, Ирочка будет одевать свои ножки сама, а мама будет радоваться. И ведь научиться самостоятельно надевать трусики и брючки удалось в гораздо меньшие сроки, чем подружиться с горшком. А надевать босоножки Ирочка вообще стала по собственной инициативе, каждый раз веселясь в ответ на мое удивление и похвалу.

Понимая, что Ира еще многого не умеет, теперь я не думаю, что ей, мол, уже пять лет, чаще я напоминаю себе, что ей *всего лишь* пять лет. И если у меня хватит терпения не торопить ее и оказывать нужную помощь, то мы еще очень многому научимся, вопреки прогнозам докторов.

Мысленно заболтавшись с качелями, я как-то не сразу увидела, что к соседним качелям подошли мама и мальчик лет трех-четырех. А вот Ирочка заметила их сразу. Она уже не смотрит на меня и не слушает стишки, которые я рассказываю ей под ритмичное раскачивание качелей. Вся – внимательное ожидание – она смотрит на мальчика. Малыш деловито усаживается на качели и требовательно заявляет: «Катай!» И тут начинается настоящее веселье. Ирочка не спускает глаз со своего «соседа», весело смеется и что-то очень эмоционально кричит ему на своем тарабарском. Иногда она все-таки поворачивает головку в мою сторону, ища в моем взгляде поддержку своей радости. И я радуюсь вместе с ней, потому что очень хорошо понимаю, как важен для нее этот случайный контакт с другим ребенком, чувствую, как необходимо ей видеть, что есть вещи, которые она делает не хуже других детей, которые она может делать вместе с такими же маленькими человечками.

Постепенно перестав бояться взрослых людей, Ирочка еще очень долго болезненно воспринимала любой контакт с маленькими детьми. Встречаясь с каким-нибудь малышом на улице, Ирочка начинала нервно хихикать и пряталась за мою спину. Если же малыш еще и проявлял к ней живой интерес, все заканчивалось безудержным криком и яростным похлопыванием себя по щекам.

Совместные игры с детьми в помещении тоже, увы, не получались. Ирочка возбужденно носилась по комнате, быстро уставала от этого напряжения, и заканчивалось все тем же. Ситуация стала меняться с появлением в нашей жизни бассейна.

Больше, чем конфеты, качели и рисование, Ирочка любит воду. Она с удовольствием подолгу плескается в ванне, с восторгом шлепает по лужам после дождя, сосредоточенно что-то бормоча, увлеченно переливает водичку из одной емкости в другую.

Кстати, именно такие игры с водой стали для нас чудесным способом успокаивать Ирочку, когда она сильно возбуждена или чем-то расстроена. Нужно было всего лишь решить для себя, что нечаянно облитая водой одежда – не трагедия, к тому же, торопясь вернуться к любимому занятию, Ирочка очень шустро достает из шкафчика сухую футболочку, протягивает ее мне, попутно снимая мокрую. В общем, нет ничего удивительного в том, что при первой же возможности мы стали посещать занятия в бассейне.

Конечно, мы не ставили перед собой цели вырастить из дочки олимпийскую чемпионку по плаванию. Главной целью было просто доставить Ирочке удовольствие, дать ей возможность расслабиться и приятно отдохнуть. Единственное, что нас тревожило, это то, что вместе с Ирочкой в бассейне будет еще пять-шесть детей со своими мамами. Как она встретит необходимость быть рядом с ними?

Развитие событий стало настоящей приятной неожиданностью. Описать Ирочкин восторг от такого количества воды, в которой можно плескаться, я даже не берусь. Мне кажется, находясь в бассейне, Ира готова была полюбить весь мир и каждого человека, большого и маленького.

Мы выполняем указания инструктора, стараясь не слишком приближаться к стайке остальных детей, чтобы Ира не пугалась и не нервничала. Но дети есть дети, даже если они не такие, как все. От группы отделяется Дениска, он на пару лет старше Ирочки, очень ловкий, подвижный и общительный мальчик. Он прямой наводкой направляется к Ире, его пытается догнать и остановить его мама, а я замираю в ожидании протестующих криков. В удивлении замирает и мама Дениса, потому что он уже схватил Иру за руки и пытается с ней подурачиться, а девочка-то не кричит и не вырывается.

Она весело смеется, заглядывая ему в глаза. И мы понимаем, что ей так хорошо и спокойно в воде,

что все ее тревоги отступают.

Прошло совсем немного времени, и вот моя Ирочка, шарахающаяся от детей на улице, сама заигрывает с ребятами в бассейне. Постепенно она стала вполне спокойно воспринимать присутствие детей в раздевалке, потом мы даже веселой компанией маршировали к остановке троллейбуса.

Да, Ирочка еще не может общаться или играть с незнакомыми детьми на площадке, но она уже смотрит на них с любопытством, ей уже не так страшны, как интересны эти маленькие люди.

Мальчик рядом с нами уже накатался, по крайней мере, так решила его мама, и они ушли, провожаемые слегка разочарованным Ириным взглядом. А я рассказываю Ирочке, что мы еще немного покатаемся и пойдем на базар за молочком, а потом понесем его домой. Ира внимательно слушает. Не знаю, все ли она понимает из того, что я говорю, но зато знаю, что, накатавшись, она спокойно пойдет по этому маршруту. Потому что это стало почти ритуалом – заходить на рынок за продуктами после качелей. Думаю, именно благодаря этой ритуальности, четкой последовательности «прогулка-качели-рынок-дом», покупка продуктов перестала быть серьезным испытанием и для моих нервов, и для Ирочкиных.

Мы не сразу поняли, насколько важны для Иры простые ритуалы. Наверное, ей легче ориентироваться в нашем мире, если она точно знает, что последует за тем или иным действием или событием. Осознание этого ощутимо помогает мне строить наш с Ирой день так, чтобы возникало как можно меньше барьеров и конфликтных ситуаций. Естественно, много несложных ритуалов сопровождают различные режимные моменты (кстати, режим дня оказался для нас не менее важным), но не только.

Мы спускаемся в метро. Ирочка застывает на верхней ступеньке и чего-то ждет. Я ее не тороплю. Ира обязательно должна пронаблюдать отсюда, с верхней ступеньки, как прибудет электричка, как выйдут и зайдут пассажиры, как электричка отправится. Вот теперь можно спускаться на платформу и спокойно садиться в следующий поезд. Приехав на нужную нам станцию, Ирочка так же внимательно проводит нашу электричку, и только потом будет подниматься по ступенькам. До появления этой традиции поездки в метро были для нас настоящим бедствием. Я в буквальном смысле затаскивала кричащую и брыкающуюся Иру в вагон, где она отчаянно колотила руками и ногами оказавшихся рядом пассажиров, я нервничала, но ведь нам надо ехать, у нас просто нет другого выхода. А выход нашелся благодаря капельке взаимопонимания и маленькому ритуалу.

Мы возвращаемся домой после прогулки. Ирочка уверенно ведет меня к киоску, так удачно стоящему рядом с нашим домом. Я вручаю ей мелочь, которую Ира спешит передать тете в окошечке, зная, что взамен ей выдадут конфетку или вафельку. Свою покупку доченька терпеливо донесет до квартиры, и только дома, разувшись и усевшись в свое кресло, будет ее кушать.

Стоит ли вспоминать, с какими истериками еще недавно возвращались мы домой. Но для меня важность этой хорошей традиции еще и в том, что так Ирочка учится настоящей жизни – она ведь сама покупает себе лакомство. И в общении с нами Ирочка следует своим традициям. Так, днем она просит меня почитать ее любимую книжку со стихами или попускать мыльные пузыри. А вечером с папой обязательно усаживается поиграть на компьютере.

Задумавшись, я опускаю руку и перестаю раскатывать качели. И тут же раздается требовательный Ирошкин возглас, она даже пытается дотянуться до меня ручкой, совсем забыв, что надо крепко держаться. Я улыбаюсь своему человечку и раскатываю качели с новой силой. А ведь мы не зря так сдружились с качелями.

Наша жизнь поразительным образом на них похожа. Чем больше усилий я приложу, тем выше взлетят наши качели. Спасибо вам, качели, за то, что не даете мне забыть самое главное: чтобы чего-нибудь добиться, ни в коем случае не надо опускать рук.

Мы обязательно придем к вам завтра за радостью.